

РЕЛИГИЯ ТАНЦУЮЩИХ ДЕТЕЙ

О. ТАЛАНТОВА

Ольга Талантова

Религия танцующих детей

«Автор»

2016

Талантова О.

Религия танцующих детей / О. Талантова — «Автор», 2016

Сборник состоит из 29 рассказов (детей), сюжет которых друг с другом не перекликается. Это абстрактные рассказы-калейдоскопы в форме философских миниатюр и притч на тему любви, поиска своего места в мире и смысла жизни. Религия танцующих детей - Это бунт против всего мира, Это одна религия на целую Вселенную, Это закрыть глаза и танцевать, Это превратить сердце в птицу и отпустить.

© Талантова О., 2016

© Автор, 2016

Ольга Талантова

Религия танцующих детей

ребенок 29 / вода

Вода.

Мой друг приходил ко мне каждую ночь и мягко садился на край кровати. Он бесшумно опускался на одеяло. Я просыпался только от топота непослушных ресниц на щеках.

Мой друг молчал. Он был водой всего земного шара. Из него пили антилопы, в нем спали крокодилы, плавали корабли и рыбы, зоркие путешественники искали неизведанные материки.

Вода сотрясалась от цунами, ураганов и бурь. Вода спасала людей и губила их.

Однажды мне стало интересно, насколько глубок мой друг. Я до сих пор не достиг дна.

Ты знаешь, сколько ветра потребовалось, чтобы вернуть тебя, друг?

В мире больше никогда не закрутится ни одной ветряной мельницы.

К моей ноге приплыла крошечная белоснежная ракушка. Я взял ее в руки. Ракушка запела мне о своем доме в далеком-далеком море на краю Земли.

– Но ведь мой друг – вся вода мира, значит, он твой дом! Почему же ты тоскуешь?

– Я тоскую, потому что он этого не знает.

Молчание моего друга накрывало возмущенной волной всех людей, которые ждали его слов. Ночь разбрасывала по его блестящей коже свои кудрявые волосы.

Я положил ракушку в карман. Ей и моему другу есть о чем помолчать друг с другом. Мой друг приходил ко мне каждую ночь и мягко садился на край кровати. Вместе с ним приплывал зной Африки и пески бездыханных пустынь.

Высохшим путникам снился оазис. Верблюды опустошали свои горбы, чтобы спасти людей и больше никогда не выбраться из зыбучих песков. Я смотрел в сонные глаза верблюдов. Они складывали свои тонкие ноги пополам, жгли свои мягкие животы на песке, иногда, когда нет ноши – нет смысла идти. Я смотрел в сонные глаза верблюдов, на их уставшие стрелки ресниц – я не видел ничего, кроме солнца, солнце ело их глаза.

– Где же вся твоя вода, друг?

Мой друг молчал.

Друг срывал с себя рубаху.

Вся комната – в воде.

Весь мир – в воде.

ребенок 28 / на Луне

На Луне.

Мы танцуем на Луне.

Луна переворачивается.

Я увидел твои глаза во сне.

И больше не смог их забыть.

Цвета Луны.

Твои волосы переливаются в серебряном блеске, будто море. Кажется, я даже слышу шум волн. Кажется, даже соленые брызги попадают на мое лицо.

На Земле сейчас день. Наш танец никто не видит. Если только кто-то, скучающий по тебе, видит тебя во сне. На Земле все видят сны. Пока мы с тобой танцуем. Это самые лучшие минуты, о которых знаем только мы. Другие это называют пятнами на Луне.

Твои глаза встречают рассвет. Именно тогда ты от меня исчезаешь. Падаешь на Землю. Я остаюсь на Луне. В моей жизни ничего не происходит. Всего лишь умирают и рождаются звезды, мимо проплывают хвостатые кометы, черная дыра ест млечный путь.

Я брожу по кратерам своей бесконечной Луны и отсчитываю твои земные часы. Люди придумали время, и сами же теряют его. А я даже не знаю, помнишь ли ты меня там, на своей далекой Земле. Днем мою Луну не видит никто, кроме меня. А кто видит, тот, скорее всего, сам ни раз падал с нее.

Ты каждое утро падаешь.

Если бы я мог не отпускать тебя.

На твоей Земле снова темнеет.

Солнце прощается.

Мы снова танцуем на Луне. Луна переворачивается. Но мы не падаем. Наверное, нас держат твои лунные глаза.

Однажды мне снился сон. Когда-то и мне снились сны. В них были настоящие поля с синеглазыми ирисами, гарцующие лошади с развивающимися на ветру гривами, спящие вулканы и пробуждающиеся пустыни, – а не сплошные кратеры.

Но я все равно люблю свою Луну. На ней нет сказок о драконах. Никто не строит дома, похожие на соты. Не диктует законы. Не рисует зебр на дорогах. Потому что здесь нет дорог. И зебр тоже нет.

Но только когда на Земле – день. Когда засыпают люди, Луна превращается в планету снов. На Луне собираются сны каждого человека.

Моя планета проявляется все ярче и ярче от увиденных снов. Если бы кто-нибудь знал, как тепло мне бывает в момент, когда Земля становится все темнее и темнее, а Луна – ярче, ярче, ярче.

Может быть, наш с тобой танец на Луне – просто твой земной сон. Но твой земной сон – моя лунная жизнь.

Тогда я счастлив.

Ты помнишь, когда я впервые пригласил тебя на танец?

Тебе снился океан. Ты была на острове. Ничего, кроме ветра. Ты так давно не слышала музыки. А я – каждую ночь.

Помнишь? Я протянул тебе руку. Ты не разглядела ее в темноте, но все-таки пошла за мной.

Помнишь первый звук нашего танца? Нет. И я нет.

Я помню только твои глаза цвета моей планеты.

Я никогда не верил, что где-то во Вселенной есть такие глаза.

А тут – Луна в глазах простого человека.

Моя планета.

Я думал, что упаду с Луны. Неужели, я живу не на планете, а в чьем-то зрачке? Нет, нет, нет. Оказывается, можно увидеть целую Вселенную в глазах человека. А вместе со Вселенной – свой дом.

Мы танцуем на Луне.

Луна переворачивается.

Я обыкновенный лунный человек.

Никогда от меня не улетай.

ребенок 27 / все просто

Все просто.

Что за мелодию ты напевала?

Мы сидели колено к колену.

Я настукивал носком ботинка бипоповое тебе о потертую штанину, белозубый трубочник набирал в живот столько воздуха, что становился похож на дирижабль.

Ты смотрела в запотевшее окно и представляла его нараспашку, и кричащих за дрожащими стеклами чаек.

Твоим теплым птицам нисколько не мешала зима.

Если бы я наклонился всего на пару сантиметров, то мог бы поцеловать твое колено.

Но я не наклонялся.

Потому ты меня и любила.

А я тебя.

Эффект прикосновения без прикосновения.

/ Внутри меня вишневые деревья раскидываются своими переспевшими детьми. Хватай, ешь.

Что за мелодию ты напевала?

Ты мягко дрожала от холода, но больше от урчащей внутри себя музыки, я не разбирал мотива, но влюблялся каждую секунду все глубже и глубже в плавающие ледниками тени от ресниц на твоих щеках.

Где-то во вселенной еще одни мы смотрим друг на друга и не видим границ; ты моя пустота; а ты моя пустота.

Если бы я немного прислушался, то мог бы подпевать тебе. Но я не прислушивался. Потому ты меня и любила. А я тебя. Эффект близости без близости.

/ Внутри меня жила целая страна, каждый житель которой больше своей жизни любил тебя. Они были настоящими патриотами и смотрели друг другу только в глаза.

Все просто.

ребенок 26 / все мои беспощадные кролики

Все мои беспощадные кролики.

Каждый человек, данный мне, появлялся, чтобы когда-нибудь исчезнуть. Он расчищал тернистый к моему сердцу путь лишь для того, чтобы облегчить путь обратный.

В моей груди есть крохотная дыра, похожая на кроличью нору. От каждого стука сердца нора то расширяется, то сужается. Она похожа на живую. Даже я сам не умею настолько скоро и уместно реагировать на биение.

Я не знаю, живет ли в моей норе кто-то. Может быть, она давно пустует. Но по ночам, переворачиваясь во сне, я замечаю на подушке солнечные блики. Нора излучает домашний свет. Также уютно горела лампа в доме моей бабушки, когда она вязала свитера и пела свои теплые скрипучие песни с привкусом топленого молока и горячих лепешек. Тусклый свет дает надежду, что я по-прежнему не одинок.

Если очень близко поднести к норе ладонь, можно здорово обжечься. Наверное, внутри меня живет крайне стойкий кролик. Нет-нет-нет, сомнений быть не должно: костер не зарождается сам по себе.

Каждый человек, данный мне, появлялся, чтобы когда-нибудь исчезнуть. Он расчищал тернистый к моему сердцу путь лишь для того, чтобы облегчить путь обратный. Чтобы пробраться поскорее, каждый делал нору шире и шире. Ох уж все мои беспощадные кролики.

Каждого я отпустил и больше никогда не пытался вернуть. Мои чувства не мячик для настольного тенниса. Нет. Спасало меня лишь то, что каждый хотел забраться пошире, но не поглубже. Иначе прощай, мое бездонное сердце!

Определенно, в норе остался один кролик. Но как я ни пытаюсь его достать, ничего не получается. По-прежнему, по ночам я замечаю на подушке солнечные блики и незащитное тепло.

Внутри живет крайне стойкий кролик. Он забрался глубже всех. Пока он в норе, можно отпустить свое сердце. Оно в безопасности.

Каждый человек, данный мне, появлялся, чтобы когда-нибудь исчезнуть. Он расчищал тернистый к моему сердцу путь лишь для того, чтобы облегчить путь обратный.

Только не ты.

ребенок 25 / я выбираю себя

Сижу в самом центре огромной пустой комнаты в бездонном своем одиночестве. Сижу в позе молодого лотоса. Я наг и смел. Передо мной – сложенная из желтой бумаги птица. Я наслаждаюсь своей тишиной. Я люблю свою птицу. Я убаюкан комнатой без дверей.

В комнату заходит первый человек. Человек приносит дверь, которую сможет открыть только ветер. Человек закрывает дверь. Моему одиночеству не выбраться. Одиночество больше не увидит солнечного света.

В комнату заходит второй человек. Человек приносит стул и стол. Человек сажает меня на стул, холодный и жесткий. Руки мои оказываются на столе, сложенные в качели, деревянно. Любимая птица в центре стола.

В комнату заходит третий человек. Человек приносит чистые листы бумаги. Складывает из одного листа белое нечто и говорит "твоя птица не правильная, вот правильная птица, учись". Человек отдает мне стопу листов, сминает мою желтую птицу и уходит. Птица как птица была.

В комнату заходит четвертый человек. Человек приносит костюм. Надевает на меня. Костюм мал. Человек злится, но все же застегивает рубашу на все до одной пуговицы. Пиджак еле держится, чтобы не разбежаться от меня в разные стороны. Человек говорит "совсем другое дело, теперь будешь нормальным человеком". Странная нормальность, когда ты ее перерос.

В комнату заходит пятый человек. Человек приносит ярость. Человек злится, потому что я не сделал ни одной правильной птицы. Они все в моих руках отчего-то превращаются в желтых. Человек собирает всех неудачных птиц в охапку и громко уходит. Безумие какое-то, моя яркая любимая стая.

В комнату заходит шестой человек. Человек несет иглу и катушку ниток. Мой костюм потрескался на плечах, верхняя пуговица рубашки отскочила и прыгнула на мои неподвижные руки. Человек мечтает снова собрать в единое мой костюм. Я мечтаю, чтобы его игла сломалась пополам.

Я знаю: если очень сильно мечтать, то исполнится. Игла ломается. Человек злится и уходит.

Мое одиночество крепнет с каждой выпущенной из шва ниткой.

Где-то желтые птицы набирают высоту.

Стул трещит, стол трескается, дверь вылетает из петель и шатается сбегающим зубом.

Я выбираю себя.

ребенок 24 / S

Я собирал в своей руке миллиард атомов миллионов людей с особенным стуком сердца. Когда я засыпал, стук сердец выбрасывал меня из кровати в окно. Я разбивался о мостовую. Тогда сердца улетали в разные стороны.

Первый человек выпустил свое сердце в Атлантический океан. От горького всплеска все чайки попадали камнями на берег. Человек расстроился и каждую ночь вплетал в свои волосы утренний их крик, только потому птицы оживали.

Второй человек раздал свое сердце по артериям всем детям высыхающей Африки. Дети хватили артерии и разбежались дышать. Иногда артерии тосковали друг по другу и обнимались крепче плит пирамиды Хеопса, да так крепко, что дети превращались в песок. Тогда человек расплетал свое сердце и больше никогда не пел ему песен.

Третьего человека я снял с солнца. Его кожа была углем, он трескался и стонал. Человек без пауз и вдохов благодарил за то, что его оторвали от надоедливого светила. Потом он перестал дышать и разлетелся в пепел. Человек не знал, что солнце и есть его сердце.

Четвертого человека я звал по имени, которое каждое утро менялось. Честно говоря, тяжелее всего было его отыскать ночью, когда он уже не Карл, но еще не Франц. Его забывали, не успев познакомиться. Свое сердце человек забывал где попало: то на сиденье трамвая, то в переходах метро, то забывал провести с собой через пешеходный переход. Однажды, выходя из трамвая, человек позабыл свое сердце, а я не сказал ему об этом и увел стучаще-теплое с собой.

Пятый человек забрался на самую высокую гору на планете и уверял каждого, что гора – это и есть весь мир. Когда сердце кричало ему об абсурде, человек стонал и прыгал с горы. Сердце каждый раз его возвращало на вершину, просило прощения, грело в ледяном доме, убаюкивало стуком.

А однажды сердце перестало биться и рассыпалось. Человек спустился с горы, в память о своем разбитом сердце, раздал его куски детям в теплых смешных шапках (шапки были без помпонов, но все-таки очень смешные, человек тогда подумал – "это у них наверное глаза такие смешные и теплые, на самом деле их не существует", а потом он моргнул и дети оказались без шапок и не детьми, а стариками), поднялся на вершину горы и спрыгнул с нее.

**

Моя ночь давно не включала звезд. Я иду по танцующему льду. Не знаю, где же я. Выбрался подышать перед сном, но так и не надышался.

Я волочу за собой грустный тяжелый рюкзак, который пульсирует от пустоты вселенной.

Чей это стук? Это я бьюсь, переталкиваюсь из одного кармана в другой, мечтаю взлететь. Кажется, каждый толчок – бунт сверкающего прошлого против блеклого будущего.

Ни одному, даже самому безветренному сердцу, не вынести гарцующей боли без стога, не избежать периода вечной мерзлоты.

*

Когда я засыпал, стук сердец выбрасывал меня из кровати в окно. Я разбивался о мостовую. Тогда сердца улетали в разные стороны.

ребенок 23 / религия солнца

Моё тёплое пшеничное солнце.

Танцует под ногами

Когда я пою.

Дребезжит мелкими разноцветными осколками.

"На мне столько тусклых пятен, что хватит залатать чёрную дыру" повторяет солнце за мной.

И я падаю на подсолнечную землю, в самый центр бездонного роя из желторотых головок. Каждая из них покачивается. У каждой есть история для моего легкого небесного сердца.

1 / л

Нет.

Меня выбросило на берег волной размером с твой зрачок.

Я плыл на лодке, спал под семьями звезд, танцевал на каждом встречном материке.

Я был счастливый.

Улыбался. Моя кожа загоралась от луны и блестела на солнце.

Я не видел ни одного цветка, который мог бы сорвать для тебя.

Зато познакомился с касаткой, которая переплыла внутрь.

Быть тебе радостью.

Да.

У каждого человека свой путь.

То, что человек не может считать своим путём другого человека,

– это бред.

В школе меня учили цифрам на обиженных детях (у девочки три яблока, у мальчика семь, на сколько яблок обиднее девочке). Это ложь.

Ты путь, который сам выбрал меня.

Быть мне домом

На краю земли.

Я принесу в себя книги, шерстяной плед и зимнее морозное утро.

Чтобы ты оставалась во мне.

3 / б

Внутри меня море.

Выбивается из берегов и раскидывается мокрым песком в небо.

Я люблю тебя.

Промокшими листьями с запахом фламенко в меня ложатся воспоминания цвета уставшего воздушного змея.

Бархатные мамины руки вдоль шеи и по ключицам. Когда я засыпаю любимым и живым.

Ребра выстукивают ритм швартующихся внутри тебя кораблей.

Кто я, если не якорь?

Просыпаюсь от крика чаек.

Внутри меня моё море убаюкивает твои корабли.

Я люблю тебя.

4 / л

Возможно, я бы и хотел забыть твои руки. Когда они закрывают мои глаза будто морские волны крылья чаек. Или как пахнут по утрам сорванные тобою, по-цыплячьи задорные, цветы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.